

гории) – по другим (*less money*). Вторые объекты сравнительных суждений опущены, а оба суждения объединены в одно. В результате провоцируется ложное утверждение о двойном превосходстве: по сравнению с «Natural Instincts» «New Natural Instincts» является более дорогой краской (хотя и более эффективной), а по сравнению с продуктами других марок в данной категории – менее эффективной (хотя и более дешевой).

Особый интерес представляет оказание воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении при помощи использования оценочных суждений в риторических вопросах. Так, в следующих рекламных объявлениях, отвечая положительно на предлагаемый вопрос, адресат тем самым соглашается с предложенной адресантом оценкой рекламируемой продукции: 1) *The Noah James Collection. Doesn't your dog deserve the very best?* («The Noah James Collection. Разве ваша собака не заслуживает самого лучшего?») (*The New Yorker*. 2004, feb. 2); 2) *Aren't your pictures worth the best quality? Aren't they worth a Pentax?* («Разве ваши фотографии не заслуживают самого лучшего качества? Разве они не заслуживают Pentax?») (*ESPN The Magazine*. 2000, nov. 13).

Таким образом, использование имплицитных оценочных суждений в силу своего «скрытого» для адресата сообщения характера является одним из коммуникативных средств, обладающих большим манипулятивным потенциалом. Поэто-

му нам представляются необходимыми и актуальными всестороннее изучение данного механизма коммуникативного воздействия и выявление методов восстановления имплицитных смыслов, что позволит не только повысить эффективность решения основной прагматической задачи рекламных сообщений, но и помочь адресатам данных сообщений быть более осознанными и независимыми в своих решениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Богушевич Д.Г. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Мн., 1985.
- Борисова Е.Г., Мартемьянов Ю.С., Акимова И.И. Предисловие // Имплицитность в языке и речи. М., 1999. С. 9–14.
- Борисова Е.Г., Пирогова Ю.К., Левит В.Э. Имплицитная информация в рекламе и пропаганде // Имплицитность в языке и речи. М., 1999. С. 145–151.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Под ред. Г.В. Степанова. М., 1985.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
- Пирогова Ю.К. К типологии ложных умозаключений в рекламном дискурсе // Тр. Междунар. семинара «Диалог 2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям: В 2 т. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000. С. 299–305.
- Ayer. A. J. *Philosophical essays*. London, 1963.

Поступила в редакцию 05.09.07.

Татьяна Владимировна Еромейчик – аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т.В. Поплавская.

Дискусii

Е.И. РОМАНОВСКАЯ

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЗЛА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Представлены особенности концептуализации *зла* в русской и белорусской фразеологии. Автор использует методику профилирования; в результате моделирования концепта выясняется, что *зло*, как и в мифологии, антропоморфично: оно похоже на человека внешне и по выполняемым действиям.

The article analyses how evil is conceptualized in Russian and Belorussian phraseology. In the article the author uses the profiling method. As the result of modeling the concept of Evil it has been found out that Evil is anthropomorphic, as it is in mythology. There is a resemblance between Evil and a human being in the actions they both perform.

Концептуализация – процесс познавательной деятельности человека, приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека (см. Краткий словарь... 1996, 93). Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания. Такие исследователи, как А. Вежбицкая, Р. Лангакер, Е. Бартминский (см. Вежбицкая 1997; Лангакер 1992; Бартминский 2005), предлагают изучать когнитивную информацию, закрепленную в языке, и способ

структурирования ее при помощи когнитивной дефиниции, главная цель которой – ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на данном языке, т. е. о закреплённом в обществе способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках.

При описании способов концептуализации отдельных участков внеязыковой действительности А. Вежбицкая и Е. Бартминский исходят из того, что самым непосредственным образом субъект (человек или коллектив) свои представления, знания, суждения о мире обнаруживает

при его означивании посредством языковых единиц. Каждая из них соотносится с определенной идеальной сущностью (денотатом), что имеет прямое отношение не только к естественному членению мира, но и к явлению антропоцентризма языка, поскольку лишь через деятельность человек расчленяет действительность, устанавливает связи между объектами.

Суть концептуального анализа, по А. Вежбицкой, заключается в том, чтобы по данным употребления языковых выражений реконструировать стоящие за ними понятия, причем результат должен отражать наивное, естественное понимание окружающего мира (см. Вежбицкая 1997).

При концептуализации зла, по данным русской и белорусской фразеологии, в статье используется метод профилирования, предложенный Е. Бартминским. Профиль – это контур, рисунок, форма чего-либо, «профилирование является субъективной (т.е. имеющей своего субъекта) языковой и понятийной операцией, заключающейся в своеобразном формировании образа предмета посредством восприятия его в определенных аспектах (подкатегориях, фасетах), таких как, например, происхождение, свойства, внешний вид, функции, события, переживания и т.п. в рамках определенного типа знания и в соответствии с определенной точкой зрения» (Бартминский 2005, 106). В рамках восприятия нами включается то, что воспринимается и концептуализируется в процессе познания, то, что закрепились в культуре на основе ритуализированных действий. Такой метод позволяет реконструировать сведения о верованиях, мифах, содержащихся во внутренней форме устойчивых единиц – генетически свободных словосочетаний.

В языке находит отражение наивная модель мира. Культурно-национальное мировидение воплощается в образном содержании фразеологического состава языка. Обыденные, наивные модели мышления и суждений, включающие элементарные представления о мире, отражены во фразеологии и составляют важный пласт современного языка и национальной культуры. Они функционируют как архетипы коллективных представлений (см. Бартминский 2005; Толстой 1995; Телия 1996).

Картина мира представляет собой сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании (см. Карасик 2004, 88). Языковую, или наивную, картину мира принято интерпретировать как отражение обиходных (обывателейских, житейских, бытовых) представлений о мире (см. Урысон 2003, 11). Мы поддерживаем точку зрения ученых (В.Б. Касевич, Н.И. Толстой, Е. Бартминский и др.), которые наивную картину мира понимают как образ мира, репрезентированный мифологией, фольклором, фразеологией.

В народных способах интерпретации действительности соединяются реализм и мифологиза-

ция (см. Бартминский 2005, 68). Наивная картина мира обнаруживает существенные черты мифа. По мнению В.Б. Касевича, мифологическое мышление – это познание действительности как первичной реальности в ее целостности (см. Касевич 1996, 92). Мифологическое мышление призвано ориентировать человека в текущей ситуации, поскольку он по природе своего взаимодействия с миром вынужден начинать с формирования целостного образа ситуации; лишь в дальнейшем и при определенных условиях возникают предпосылки для расчленения целостного образа на элементы с установлением связей между ними. Необходимая человеку целостность мировосприятия обеспечивалась принципом антропоморфизма, основанного на особом отношении его к миру предметной реальности. Мир человеческой культуры воспринимается человеком как предметно сотворенная реальность и отделяется в его сознании от мира природы, но не противопоставляется ему (см. Кукушкина 1989, 31).

Народное миропонимание воплощается в языковой форме, в языковых стереотипах, из которых строятся тексты малых и больших жанров (см. Никитин 2003, 269). Фразеологизмы и особенно паремии – это «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные... в виде "свертки", готовой к употреблению как текст в тексте» (Телия 1996, 8). Долгое время паремии являлись предметом изучения фольклористики. В последнее время в науке преобладает широкий взгляд на фразеологию, ученые включают в ее разряд паремиологию. Причиной послужило то, что собственно фразеологизмы часто образуются путем сокращения паремий, и то, что паремии, как и фразеологизмы, обладают устойчивостью и воспроизводимостью. Вслед за В.Н. Телия и многими другими учеными-фразеологами (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, Е. Бартминский и др.) мы понимаем фразеологию широко и рассматриваем устойчивые единицы как первоначально свободные словосочетания (см. Телия 1996). Поступая таким образом, можно выявить буквальный смысл, внутреннюю форму, о которой пишет Ю.С. Степанов в известном словаре русской культуры (см. Степанов 2001, 52). Именно такой подход помогает эксплицировать в устойчивых сочетаниях культурную информацию, увидеть особенности коллективного сознания (менталитета), так называемую наивную картину мира, и сопоставить русские и белорусские языковые данные.

В настоящей статье представлена одна из фасет профиля концепта зло, рассматриваемого как антропоморфный субъект на материале русской и белорусской фразеологии. Несмотря на абстрактность этого понятия в литературных

языках (по русским и белорусским толковым словарям: 1) Все дурное, плохое, вредное; 2) Беда, несчастье, неприятность; 3) Злое чувство, гнев, досада), обнаруживаем здесь персонификацию.

Антропоморфное зло в устойчивых единицах представлено компонентами *зло*, *худо*, *лихо*. Заметим, что эти номинации в словарных составах русского и белорусского языков занимают разные позиции. *Худо* – чисто русская номинация *зла*, *лихо* находится на периферии русского словарного состава, зато частотно в белорусском языке. Количество устойчивых единиц, отражающих антропоморфизм указанных лексем, таково: русское *зло* – 6; белорусское – 3; *лихо* – соответственно 9–534; *худо* встречается только в русском материале – 10.

Персонифицированное Лихо известно всем славянам, о чем свидетельствуют мифология и фольклор. А.Н. Афанасьев в своем фундаментальном труде «Поэтические воззрения славян на природу» описывает Лихо как живое существо, оно странствует по свету, ищет людей, обреченных на несчастье, идет к ним навстречу, гонится за ними (см. Афанасьев 1869, 377, 396). Белорусский исследователь В.И. Коваль отмечает и другие действия Лиха. На своем пути оно валит деревья, засыпает реки и озера, не проявляет милости ни к человеку, ни к зверю: все живое, что ему встречается на пути, оно разрывает на части и съедает. Живет Лихо на старой мельнице или в лесу, спит на кровати из человеческих костей (см. Коваль 1995, 97). В мифологии Лихо, как и многие обитатели иного мира, похоже на человека. Оно может быть одноглазым («кривым, неправедным»), предстает огромным великаном, худой женщиной с одним глазом (см. Власова 2001, 307).

Именно *лихо* представляет чаще белорусское зло во фразеологии, о чем свидетельствует большое количество устойчивых единиц с этим компонентом. Таким образом, видим, что даже предварительные наблюдения (разное количество ФЕ с интересующими нас компонентами в русском и белорусском языках) указывают на неполное сходство в концептуализации *зла* в русском и белорусском миропонимании.

Прежде всего необходимо отметить, что *зло* находится в оппозиции с персонифицированным *добром*: *Доброе злом погубляют, а зло добром приучают; Зло дабра не любіць*, материал показывает, что в поединке между *добром* и *злом* побеждает первое: *Добро не умрет, а зло пропадет; Не дадзержыць ліха напроці дабра*, потому что *добро* сильнее: *Хоть вдвое, хоть втрое, непрочное худое, а злу на свете живется плохо: Хорошо худо не живет; Где худу ни жить, везде ему тужить*.

В то же время *зло* устойчиво, прочно по сравнению с *добром*: *Доброе минуется скоро, худое же длинно и споро; Всякое лихо споро, не минует скоро*. В русской фразеологии отме-

чается, что *зло* в образе *лиха* подобно человеку рождается: *Лихо родится, а там дорога одна, растет из человека: И хорошее и худое – все из тебя растет*, а в белорусском материале оно не умирает: *Ліхое спора, не ўмрэ скоро; Ліхое нігды не згіне*.

Вместе с тем и в русском, и в белорусском мировидении *добро* и *зло* представляют собой два полюса единого целого: *Нет худа без добра; Добро без зла не познается прямо; Ліха без дабра не бывае*. Русская фразеология представляет эту сему локализацией *добра* и *зла* в одних санях: *Добро и лихо в одних санях ездят*. Связь между *добром* и *злом* проявляется и в том, что при помощи второго можно выйти на первое: *Все худшее к лучшему; Няма нічога ліхога, каб на добрае не выйшла*.

И в русской, и в белорусской фразеологии *зло* всезнающее: *А ліха яго ведае; Ліха яго (яе, цябе, вас) ведае*, в русском материале оно представлено в образе черта: *Черт знает что*.

Внешний облик *зла* представлен через *лихо*. Интересно, что в русской фразеологии *лихо* может быть привлекательным, красивым: *Хорош, пригож, на лиху больше похож*. В белорусском материале внешность *зла*, *лиха* не проявлена, но указывается, что оно не украшает, значит, вероятно, и само оно внешне непривлекательно: *Каго ліха красіць?*

В паремиях проявляется еще одно свойство *зла*, сближающее его с человеком, – способность совершать действия. В поведении *зла* заключена амбивалентность. С одной стороны, оно статично, может находиться в состоянии покоя, спать, но спит очень чутко, поэтому главное – его не будить, не тревожить, тогда можно прожить спокойно и не увидеть его: *Лихо полегло, добро не приспело; Кто живет тихо, тот не увидит лиха; За худо примись, а худо за тебя; Не чапай ліха, пакуль спіць; Калі спіць ліха, то не будзі; Абы ліха ціха; Ціха, калі спіць ліха*. По белорусским воззрениям, *лихо* может разговаривать: *Казала ліха, што не быць дабру, але не датрымала само; Ад ліха – ціха, але дабра не чуваць*. Встреча с ним для человека нежелательна, белорусы говорят: *Усё чалавеку трэба, аднаго ліха не трэба; Горш ліха не будзе*. Тем не менее от встречи с *лихом* никто не застрахован: *У кожнага не-не – і ліха, не дае пасядзець ціха*.

Таким образом, пробудившись от сна, *зло* становится активным, динамичным, это его вторая натура: *Злое тихо лежать не может; Ліха не ляжыць (уседзець) ціха; Як пойдзе ліха зрання – аж да змяркання*. Русский материал показывает, что *лихо* может летать, притом с большой скоростью, когда направляется к человеку: *Зло тихо летать не может; Зло к нам летит, а от нас ползет*. В белорусском материале тоже проявляется эта способность, но здесь подчеркивается способ передвижения в воздухе, эксплицируется связь с нечистыми

силами (ведьмой): *Каб аж ліха на веніку (не) прыляцела!* Избавиться человеку от зла (лиха) трудно, это показано в русской поговорке противопоставлением *летит – ползет* и белорусской поговоркой *Не так скоро ліха вылезець, як улезе*. Белорусский материал путем способа передвижения (*вылезець, улезе*) иллюстрирует, что *лихо* вездесуще, всепроникающе, для него нет преград. Эту тему содержат также поговорки *Ліха шчолачку знойдзе; Ліхо прычэпку знойдзе*.

Итак, зло преследует человека, это значение репрезентируется и белорусскими устойчивыми сочетаниями *Ліха гоніць (пагнала); Ліха нясе (прывяла)*, при этом и в русской, и в белорусской фразеологии отмечается, что оно может передвигаться с разной скоростью: *Иди тихо – тебя нагонит лихо; Быстро идешь – ты догонишь лихо, идешь тихо – тебя догонит лихо; Паедзеш ціха, тут ліха, паедзеш шпарка, ад ліха варка (на ліха наскочыш)*, т. е. убежать от него невозможно.

Зло приходит к человеку не только в тех случаях, когда человек его потревожит, оно приходит и беспричинно, незаметно: *Беды по бедам, да и лихо пришло к нам; Усякае ліха прыходзіць ціха*, само ищет человека: *Добра ищи, а худо само придет; Не шукайма ліха, яно само нас знойдзе; Зла не кліч, яно само прыйдзе*.

Встреча с персонализированным злом приносит человеку различные несчастья. В русской и белорусской фразеологии отмечается, какие это несчастья: зло в виде персонализированного лиха может забрать человека: *За худо примись, а худо за тебя; І трасца не трасе, і ліха не бярэ; Ліха (не) возьме; Ніякае ліха яго не бярэ*. Это значение лежит в основе белорусских проклятий: *Бадай яго ліха ўзяло!; Ліха яго (яе, іх) забяры!; Каб на яго (яе, іх) ліха!* Русские соответствия содержат лексему *черт*, таким образом, здесь *лихо* коррелирует с олицетворением зла, врагом рода человеческого: *Черт возьми; Черт поberi* и другие подобные.

Зло связывается с утратой покоя: *Прыйдзе ліха – не ўседзіш ціха*, с лишением себя жизни из-за горя, принесенного *лихом*: *Брашы, брашы – набрзшашся, прыйдзе ліха – павесішся*. Зло донимает человека, и в ответ у него появляются зубы, в переносном значении – агрессия: *Як даробіць ліха, прарэжуца і зубы*, оно сушит: *Дабро пучыць, а ліха сушыць*, вылезит боком: *Ліха бокам вылазіць, колет: Сядзеў бы ціха, каб не парола ліха, дерет: Рада б наша мама за пана, дык ліха яго дзярэ, не бярэ, бьет: Мы слаўцом, а ліха дубцом*. Однако оно может оказывать помощь человеку: *Рада баба, што дзед утапіўся, аж ліха яму надало – за куст ухапіўся*.

Интересно, что и в русском, и в белорусском материале встречается представление о различных «видах» зла: *От худа до худа один шажок; Из двух зол выбирай меньшее; Што за ліха!; Адно ліха; Адно ліха не бывае; Не адно ліха дык другое*. Многим указанным белорусским фразеологизмам опять же соответствуют русские с компонентом *черт*: *Что за черт!; Один черт* и др.

Белорусская фразеология отражает и вопрос о происхождении *зла – лиха*: его возникновение

необъяснимо: *Ліха заводзіцца з нічога; Адкуль толькі тое ліха бярэцца, калі кепска жывецца*. Появлению его способствует тишина: *Ад ціха ўсё ліха; Скажа ліха, калі не будзе ціха*.

Таким образом, зло, представленное в русской фразеологии чаще лексемой *худо*, реже *зло*, *лихо*, а в белорусской – чаще *ліха*, редко *зло*, антропоморфично. Русский материал показывает, что *зло* внешне привлекательно, а белорусский, наоборот, рисует *зло* непривлекательным. *Зло* имеет отношение к нижнему миру, к нечистой силе. Как и человек, оно может выполнять действия: лежит, спит, ходит, борется с добром, добра не любит, ищет человека, догоняет, забирает его, оно (не)прочное, всезнающее, может быть не одно, бывает разных видов. Таковы общие представления о персонализированном *зле*, во многом совпадающие с мифологическими народными представлениями.

Однако обнаруживаются и различия. В русской фразеологии *лихо* рождается, растет, умирает, в белорусской – не умирает. Русский материал свидетельствует, что *зло* летает, белорусский уточняет, что летает оно на венике. Русские наивные представления указывают на способность *зла* ездить в одних санях с добром, ползать, жить в норе. Живет оно плохо, тужит, умирает. Белорусское *зло* разговаривает, шепчет, не дает человеку спокойно посидеть, сушит его, бьет, колет, дерет, находит зацепку, вылезает боком, толкает на самоубийство и исполнение ненужных дел, от него прорезаются зубы. Оно всепроникающее, появляется из ничего. Способствует его возникновению тишина. *Хуже зла (лиха)* нет ничего, оно не нужно человеку.

Таким образом, фразеологический материал показывает, что на фоне общего сходства проявляется национально-культурный компонент, свидетельствующий о некоторых особенностях в мировидении двух народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 377–396.
 Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
 Власова М. Русские суеверия. СПб., 2001.
 Карасик В. Языковой круг: лингвистика, концепты, дискурс. М., 2004.
 Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996.
 Коваль У. І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы. Гомель, 1995.
 Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.
 Кукушкина Е. И., Логунова Л. Б. Мировоззрение, познание, практика. М., 1989.
 Лангакер Р. Когнитивная грамматика. М., 1992.
 Никитин М. В. Аналогия, миф и генезис мышления // Перспективные направления современной лингвистики. СПб., 2003. С. 268–270.
 Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2001.
 Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
 Толстой Н. И. Язык и народная культура. М., 1995.
 Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.

Поступила в редакцию 05.11.07.

Елена Ивановна Романовская – аспирант кафедры теории и истории языка БГПУ им. М. Танка. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Л. В. Чернышова.